
Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-89-96

ОБРАЗЫ СВЕТА И ТЬМЫ В ПОЭЗИИ ЗАРИФА ГУЧАЕВА

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

© И.А. Кажарова, 2023

Аннотация. В ракурсе возможностей более углубленной интерпретации творческой истории и приближения к философии личности художника в статье актуализирован аспект светотеневой образности литературного произведения. На материале поэтических произведений Зарифа Гучаева исследуется светотеневая образность, характерная для его изобразительной манеры. Показано, что образы тьмы и света, независимо от того, играют они в его произведениях доминантную или второстепенную роль, существуют в творческом сознании Зарифа Гучаева в тесной связи и активном взаимодействии с его лирическим «я». Выявлены семантические и композиционные особенности построения светотеневого рисунка в его философской и интимной лирике. Проанализированы образцы отождествления лирического «я» с образом свечи и закономерности его взаимодействия со световыми персонажами. Акцентирована смена «местоположения» лирического «я» по отношению к световым персонажам в тех случаях, когда в пространство произведения вступает «она». Доказано, что если тьма в основном пассивна, играет фоновую роль, то свет, независимо от степени его акцентирования, активно проявляет себя в сюжете произведения. Интерпретированы световые вариации, наиболее органичные поэтическому сознанию Зарифа Гучаева. Определен мировоззренческий подтекст, метафорически сформулированный в светотеневом решении его поэзии.

Ключевые слова: Зариф Гучаев, образ, поэзия, свет и тьма, лирическое «я», самоотождествление, философия личности

Для цитирования: Кажарова И.А. Образы света и тьмы в поэзии Зарифа Гучаева // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 89–96. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-89-96

Original article

IMAGES OF LIGHT AND DARKNESS IN THE POETRY OF ZARIF GUCHAEV

Inna A. Kazharova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

© I.A. Kazharova, 2023

Abstract. In the perspective of the possibilities of a more in-depth interpretation of creative history and approximation to the philosophy of the artist's personality, the article actualizes the aspect of the chiaroscuro imagery of a literary work. Based on the

material of the poetic works of Zarif Guchaev, the chiaroscuro imagery characteristic of his pictorial manner is investigated. It is shown that the images of darkness and light, regardless of whether they play a dominant or secondary role in his works, exist in the creative consciousness of Zarif Guchaev in close connection and active interaction with his lyrical self. Semantic and compositional features of the construction of a chiaroscuro drawing in its philosophical and intimate lyrics are revealed. The samples of identification of the lyrical «I» with the image of a candle and the patterns of its interaction with light characters are analyzed. The change of the «location» of the lyrical «I» in relation to the light characters is emphasized in those cases when «she» enters the space of the work. It is proved that if darkness mainly plays a background role, then light, regardless of the degree of its accentuation, as a rule, manifests itself actively in the plot of the work. The light characteristics that are most organic to the poetic consciousness of Zarif Guchaev are interpreted. The ideological subtext is defined, metaphorically formulated in the chiaroscuro solution of his poetry.

Keywords: Zarif Guchaev, image, poetry, light and darkness, lyrical “I”, self-identification, personality philosophy

For citation: Kazharova I.A. Images of light and darkness in the poetry of Zarif Guchaev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 89–96. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-89-96

Исследование светотеневых соотношений в творческом сознании увлекает своей содержательностью. Ведь свет и тьма – универсалии, которые художник обойти не может, они обязательно отобразятся в его творчестве, и не имеет значения, в какой области искусства он себя выражает, различимы они в объеме всего творчества или только отдельных произведений, принадлежит им ключевая или фоновая роль. Главное, что это тот язык, или же тот образный код, который будет им задействован неизбежно. Понимание этого языка исследователем непременно дополнит смыслами интерпретацию творческой истории и поможет приблизиться к философии личности художника, поскольку при всей своей привычности тьма и свет в любой культуре имеют очень богатую биографию.

Исследовательские работы, выявляющие светотеневые соотношения в литературном произведении, дают нам основание рассуждать о смысловом подтексте света и тьмы, о разновидностях того и другого, о разнообразии их носителей, источников, о закономерностях, которые кроются в степени интенсивности света и тьмы, в логике и нюансах их взаимодействия, в сопряженности светописи с цветописью, и так далее [Фарино 2004: 301–322; Кажарова 2008: 72–76; Захарова, Оляндэр 2015: 5; Дождикова 2021: 33–37].

В предлагаемой статье будут прослежены образные взаимоотношения света и тьмы в поэзии Зарифа Гучаева.

Зариф Туганович Гучаев – адыгский поэт, уроженец селения Чегем I Кабардино-Балкарии. Жизнь этого человека была, к сожалению, недолгой (1966–2019 гг.). В широких кругах Гучаев был известен в основном как журналист. Работал в газете «Адыгэ псалъэ» и на республиканском телевидении. Рассуждать о том, что он мало известен в писательской ипостаси, было бы излишне, – это участь, постигшая большинство авторов его поколения. Вероятная причина тому резко изменившиеся в 1990-х годах социокультурные условия, при которых снизилась степень взаимодействия читающей публики с художественной литературой, что в особенности болезненно сказалось на литературах регионов. Но речь сейчас не об этом.

Определенным знаком признания творческого слова З. Гучаева можно назвать то, что несколько его произведений было отобрано для важного издания минувшего столетия, «Антологии кабардинской поэзии XX века» (2008), где, по идее, сосредоточены самые показательные имена обозначенного периода.

Творческое наследие Зарифа Гучаева пока что остается неисследованным. Остались два прижизненных сборника его поэтических произведений – «Огонек в степи» («Губгъуэ мафIэ», 1992) и «Восковая свеча» («Шэху уэздгъэ», 1999),

кроме этого, на страницах республиканской периодики можно обнаружить его прозаические опыты. Писал он на кабардино-черкесском языке.

Когда подступаешь к поэзии Зарифа Гучаева, пытаешься обнаружить устойчивые величины его образного мышления, первым делом напрашиваются к рассмотрению световые образы. Не случайно они определили названия обоих сборников – «Огонек в степи» и «Восковая свеча».

В самом привычном понимании свет – это духовное, возвышенное, созидающее начало, темнота же «традиционно ассоциируется со злым началом и подчиненными ему силами разрушения» [Кирло 2007: 426]. И Зариф Гучаев не изменил этой традиции. Подобная черно-белая интерпретация света и тьмы сопровождается философские рассуждения, которыми он открывает лиро-эпическую поэму «Начало бытия – любовь...». Уже в начальных строках он делится с читателем своим подозрением о том, что наше земное бытие – ничто иное как вступление в ад. Ссылаясь на то, что испокон веку природа человека особо не изменилась, он упоминает о бесконечных войнах, о двойственном отношении людей к своим героям, о том, что история человечества пишется кровью. Подытоживает эти размышления символическая картина противостояния ночи и дня, при этом день привычно ассоциирован с духовностью человека, а ночь – с его проступками: «*Зэрипэсын имыдэу, жэциыр махуэм / Пэцилэтиц, лэмыкIыу кыгьэлурыцилэн... / Ди гьаицIэри арац... / Кьуаишагьэр жэцици, / ТIэцилIэкрэ теицэ цытицIу цытмэ ди псэм, / Нэху цыху гукьеуэ псыдзэхэм ялэсу, / Акьыл цыуар мэхыху дагьэгупсысэр. / ДгьэкIуэдмэ ди гуэныхьхэм я лэуужь, / Махуэцилэм гуцилэ жабзэр кьыдоушыр. / Щхьэхуит хьужа цIыхупсэм зыкьеужь, / ЗеIэтыр ер зи инагьыр жьгьей цыхь-ужу» [ГьушIо 1999: 48]. В приблизительном переводе: «Себя достойным его не признавая, ночь против дня / Встает, не в силах приручить его... / И наша жизнь такая... / Проступки – это ночь, / Их допуская, если в душе своей господствовать позволить им, / До самого рассвета они (ее) потоками переживаний будут размышлять, / Свершивший ошибку разум сил лишая. / Но, если устраним последствия своих грехов, / С новым днем проснется сердце чистым / Душа, обретшая свободу, возрастает, / Стремится ввысь (она), и зло в своих масштабах ей видится ничтожным» (Перевод наш. – И.К.). Стоит сразу отметить, что подобная линейность восприятия света и тьмы (дня и ночи) встречается только в названной поэме. «Что же касается лирических стихотворений, то в них З. Гучаев больше склонен к восприятию нюансов, и здесь он раскрывает намного больше смыслов, заложенных во взаимодействии света и тьмы» [Кажарова 2003: 197].*

Источники света в его поэзии вполне привычны: свеча, луна, звезды, солнце, лучи, свет радости. Тьма – это главным образом ночь, в его лексиконе *кIыфI* (тьма) и *жэиц* (ночь) синонимичны. Но здесь интересны не столько формы, в которых предстают свет и тьма, а то, что эти образы, независимо от того, играют они в его произведениях доминантную или второстепенную роль, существуют в творческом сознании Зарифа Гучаева строго во взаимодействии с его лирическим «я». Исключения единичны – это его пейзажные зарисовки.

Заглавное произведение, которым открывается сборник 1999 года, живописует судьбу свечи. Это одушевленный свет, затерявшийся во тьме, тихо плачущий, изнемогающий, мыслящий, страдающий во имя других. То, что в заглавие помещен этот образ, уже знаменует все подобные смыслы: противостояние тьме, горение во имя кого-то, жертвенность и т.д.

Как сообщает «Словарь символов» Х. Кирло, в мировой культуре «...горящая свеча является символом индивидуального света и, соответственно, человеческой жизни, противопоставленной космической и универсальной жизни» [Кирло 2007: 382]. В то же время иные источники склонны рассматривать свечу в контексте христианства, и тогда привходит мотив связи с небесной сферой: «Свеча – «лицетворение божественного света, идущего с небес, света как материального, то есть солнца, так и света духовного; кроме того, символ мимолетности, бренности

человеческой жизни. Как духовный свет во тьме невежества свеча – один из важнейших христианских символов» [Энциклопедия 2006: 508].

Вроде бы ничего непривычного не происходит. Но примечательно, что в названном произведении перекликаются своим мерцанием свет «нижний», земной (свеча) и «верхний» (звезды), и то, что в какой-то момент свеча перестает быть соотношенной с неким неопределенным лицом.

Эта свеча, хоть и является частицей земного мира, ему не принадлежит, космосу не противопоставлена, а напротив, тоскует по миру горнему, и сгорая, в конце концов сливается с космосом. В третьей строфе заявляет о себе модальность лирического «я». И свеча уже предстает как образ его самоотождествления: «*Сыщегъасэ щыльэм уи псэукIэ хейм, / УщыкIуэжкIи уэгум сыздытэх дунейм*» [ГъущIо 1999: 3]. – «Мне примером на земле твое бытие безгрешное, / Возвращаясь в небеса, забери меня с собой» (Перевод подстрочный. – И.К.). Лирическое «я» Зарифа Гучаева заявляет о своем желании быть подобным свече, стало быть, отождествляет себя со светом, а не с тьмой. Но судьба этого света очень печальна. При всей силе ее самоотдачи свеча быстро оказывается не востребованной, в привычном «человеческом» измерении ее свет напрасен. Иное на этой земле вряд ли возможно, ведь люди равнодушны, никто и не заметит, как свеча дымком возвращается к звездам, а те, кто зажег ее, пребудут во тьме, – констатирует поэт. Тьма здесь физическая и метафизическая. Но свет свечи не просто растворяется во тьме, это еще и свет, который гасится светом более ярким: свечой пренебрегут, лишь только взойдет солнце [ГъущIо 1999: 4]. Свеча – источник света, который пребывает в камерном пространстве, то есть несет в себе смыслы «не для всех».

Как отмечено выше, самоотождествление со свечой приходится строго на композиционный центр произведения – третью из пяти строф. Надо сказать, что в сборнике «Свеча» это тот редкий случай, когда «я» в своем волеизъявлении помещает себя в самый центр композиции. Чаще всего, и особенно это заметно в интимной лирике, «я» в момент проявления своей активности композиционно смещено. А в центре оказывается «она». И, разумеется, «она» всегда имеет непосредственное отношение к свету.

Героиня его сердца представлена не как носитель света, а как та, в отношении которой световые образы выступают кем-то вроде служителей. Таковы созвездия, луна, солнце и всевозможные лучи в стихотворении «*Вагъуэзэшиблыр зыщIегъури...*» («Взяв в спутники семь звездных братьев...»), такова свеча в стихотворении «*Шэху уэздыгъэу сыщытамэ...*» («Если был бы я свечою...»), таковы снопы света в стихотворении «*Дыгъэ бзийхэр хуитщ къодэхэщIэну...*» («Солнечные лучи вправе дарить тебе ласку...»), таков лунный свет в стихотворении «*Шэху уэздыгъэм и мафIэ IэмащIэльэмащIэм...*» («Свечки робкий огонек...»): «*Шэху уэздыгъэм и мафIэ IэмащIэльэмащIэм / Ецхъу мо мазэр мы жэщ цхъэукъуэм сфIыхоткIухъ, / КъыкIэрытц ар цхъэгъубжэм, зэкIэлыгыгъэпIащIэу / Си гупсысэ сIэщIихыу ищIыгур уи пцIыхъ*» [ГъущIо 1999: 43]. – «Словно зыбкий огонек свечи, / Луна (моим желаниям вопреки) тает в этой задремавшей ночи, – / Стоит она за окном, подгоняя / Мои мысли, что, забрав у меня, обратит в сновиденья твои» (Перевод подстрочный. – И.К.). Луна «стареется» ради «нее». Луна – носитель света в ночной мгле, а лирическое «я» находится во взаимодействии с этим светом. Оба ограничены в своих светоносных возможностях, но в этой ограниченности они не равны: «*Сэ сыхуейт къэзгъуэтыну уэр цхъэкIэ пцIыхъ дахэ, / Ауэ мазэм си гущIэр пысщIэну слъэмыкI, – / МэкIэзызри мазэгъуэм къытитх нур цIыкIу махэр, / ЩызубыдкIэ си гущIэмкIэ, псынищIэу пощIыкI...*» [ГъущIо 1999: 43]. – «Мне б хотелось отыскать для тебя сон прекрасный, / Но к луне пристроиться сердцем мне не дано, – / Колеблется зыбкий отсвет луны, / Стоит мне захватить его в свое сердце, тут же переламывается он...» (Перевод подстрочный. – И.К.).

Свою способность нести свет он пока не акцентировал, он просто показывает здесь свое «я» в прямом и свободном взаимодействии с одним из носителей света. Зато в следующей строфе «я», пусть и уступает им по своей интенсивности, но находится в одном ряду со «световыми персонажами»: *«Сремыцхьми дыгъэм, сымыхъуми мазэ, / Шэху уэздыгъэу уи жэщхэр слъэкъынт згъэнэхун. / Шхъэ уназэ сиццыгъэу гупсысэр мэхуарзэ, / Химыгъуатэу жэщ нурым зы тццыгъэ ирикъун...»* [ГъушцIo 1999: 43]. – «Пусть не схож я с солнцем, не гоюсь быть луною, / Как свеча, я сумел бы твою ночь озарить, / Доводя до головокружения, парит моя мысль, / Не обнаруживая в светлой ночи ничего, что хватило бы на одно сновиденье...» (Перевод подстрочный. – И.К.). Уже не в трагическом ключе, но вновь самоотжествление со свечой, яркость которой уступает более сильным носителям света – солнцу и луне. Вновь тьма, на фоне которой существует светоносное «я», но тьма не кромешная, а слегка подсвеченная. Уже без явных ноток жертвенности, но вновь знакомый мотив сгорания во имя другого.

Этот же мотив доминирует в стихотворении «Если был бы я свечою...». «Она» в своей внешней и внутренней красоте подобна вселенной, а «я» – это лишь мечта быть свечой на «ее» ладони, занять скромное место в ее мире, озарять, оберегать его, служить ему до последнего часа. Вновь модель тихого, убывающего, почти беззвучного, почти незаметного присутствия: *«Шэху уэздыгъэу сыццытамэ, / Уи лэмыццээм сыццыблэнут. / Тккъуэпс эткъуыр уи лэм теткъуэу, / Зэхъумыхъу уи ццэр жысцэу / Уи лэмыццээм сыццыблэнут, / Шэху уэздыгъэу сыццытамэ»* [ГъушцIo 1999: 5]. – «Если был бы я свечою / В твоей руке бы я светил. / Стекающие капли падали бы на твою руку, / Неслышимый тобой, твое имя бы я повторял / В твоей ладони бы светил / Если был бы я свечою» (Перевод подстрочный. – И.К.).

Каждую из трех строф этого стихотворения оформляет кольцевой повтор «шэху уэздыгъэу сыццытамэ» («если был бы я свечою...»), и каковы бы ни были вариации светоносности «я», такая рамка лишь усиливает ощущение его ограниченности, непричастности «ее» миру. Даже тогда, когда его свет достигает апофеоза: *«Шэху уэздыгъэу сыццытамэ, / Мы си гъаццэр птеккъуэдэнут, / Ди дунейм гуфцэгуэу тетым / Бзий къуэлэну къыпых нурыр / Едэхацицэу уи гуи уи пси / Упсэунт, / сытыбгъэнауэ / Шэху уэздыгъэу сыццытамэ»* [ГъушцIo 1999: 5]. – «Если был бы я свечою, / Всю жизнь посвятил бы тебе, / Всей радостью, что существует на нашей земле, / Изливаемые лучи / Ласкали б и сердце твое, и душу / Так бы жила ты, / Зажженной тобою / Если б был я свечою» (Перевод подстрочный. – И.К.). Движущая сила этого мира – «она», которая могла бы зажечь его, как свечу.

Интересно выстроен эффект подчинения образов природы героине его сердца в стихотворении «Приветлив лик этой ночи...». Поначалу складывается впечатление изыщотной пейзажной зарисовки, в которой присутствует и подсвеченная тьма ночи, и звездные узоры, и лишь последнее предложение создает смысловую инверсию – оказывается, вся светотеневая красота этой ночи разворачивается во имя «нее»: *«Мы жэщыым и ццэхур налуэ хъуащ, – / Мо уэгум нэс вагъуэ къехар / И нэхукцэ дунейм толъэццыгъыыр, / Нэхъ дахэ иццыныу уи тццыгъыыр...»* [ГъушцIo 1999: 37]. – «Раскрылась тайна этой ночи, – / Вон та в зените звезда / Ласкает мир своим светом, / С тем, чтобы сделать прекрасней твой сон...» (Перевод подстрочный. – И.К.).

В «системе координат» лирического «я» Зарифа Гучаева присутствие в его мире яркого света обретает смысл лишь благодаря «ее» присутствию. А иначе «я» – не более чем тающая в бескрайней ночи свеча: *«Уэр мыхъуамэ гъаццэр / Дыгъэкцэ ццэраццэу, / Ццыльэм си махуэццэр / Дауэ щесхъэкъынт? / Гуццэр зэццэпцэаццэу / Укъысхуэмыккъуамэ, / Шэху уэздыгъэу сыткъуу / Гъаццэр жэщ сфцэццынт...»* («Фыгуэ уццэслъагъур...») [ГъушцIo 1999: 41]. – «Если бы не ты, жизнь / Солнцем украшенную, / На земле (этой) свой новый день / Как бы проживал я? / Облагораживая (мою) душу / Если б ты ко мне не явилась, / Таял бы я свечою / Жизнь мне казалась бы ночью...» («Почему тебя я люблю...») (Перевод подстрочный. – И.К.).

Если свеча в одноименном стихотворении не только «тихо плачет» и «тает», но еще и «*посверкивает огоньком*, мечтая о небе», «гордо *сжигает* свое тело» и т.д., а в стихотворении «Если был бы я свечою...» она «горела бы в твоей ладони», то в стихотворении «Почему тебя я люблю...» способность ее к световым действиям не обозначена: она не горит, не сверкает огоньком, а *тает* во тьме.

Героиня сердца – самая значимая величина для лирического «я», но этого недостаточно, ему важно, чтобы эта значимость простерлась на все мироздание, и в это стремление он несколько своеобразно вовлекает свет (небо) и тьму (ночь) – то и другое обязано померкнуть в соотношении с «ее» глазами: «*Ельытауэ уи нэм / Уэгур зы ІэпапІэу, / Жэцми чэнжрэ фаджэу / Цыхухэм я фІэц сиҫІынц*» [Гъушҫо 1999: 41]. – «(В том, что) по сравнению с твоими глазами / Zenit подобен пятну, / Когда же ночь, то неглубока (она) и бесцветна / Я уверю людей» (Перевод подстрочный. – И.К.).

Едва ли стоит лишний раз останавливаться на традиционном сравнении глаз любимой со звездами, но в общих светотеневых тенденциях сборника в этом образе читается знак тяготения Зарифа Гучаева к смягченной тьме, а еще органичность его лирического «я» ночному времени. «*Сыту ешхь мо вагъуэр уи нэм... / Мы жэцыбг щэхум и гупсысэр / Уэ уи гупсысэм и кІэкынэц, / Мы жэц гупсысэр уэ уи псысэц. / Сыту ешхь мо вагъуэр уи нэм, – / И куэдц абыи нур къуэлэныр. / Уэ ныпхуэзэхукІэ игу укынэу / Уи хьэл зэхелхьэ жэц гуэрэным...*» («Сыту ешхь мо вагъуэр уи нэм...») [Гъушҫо 1999: 39]. – «Как же похожи эти звезды на твои глаза... / Раздумья этой тихой полночи – то мысли твоей осадок, / Эта мыслящая ночь – твоя сказка. // Как же похожи эти звезды на твои глаза, – / В них тоже множество лучей цветистых. / И с каждой (ее) встречей с тобой, (той) кого она забыть не может, / Перенимает твой нрав сгустившаяся ночь» (Перевод подстрочный. – И.К.). Это не глаза любимой подходят на звезды, а звезды – на ее глаза; мысли, в которые погружена полночь – на самом деле лишь осадок «ее» дум; у «нее» заимствует свой нрав «сгустившаяся ночь». Во всем просматривается служение этого мира «ей», устройство его по «ее» образу и подобию.

Подобное и в стихотворении «Вагъуэзэшиблыр зыщІегъури...» («Взяв в спутники семь звездных братьев...»). Все существует вокруг «нее» и во имя «нее»: «*Щыльэм уи макъ зыдегъазэри / Мазэр аргуэру пльыр пхуеҫІыр, / И гур абыкІэ мызагъуэрэ / Жэцыр вагъуэбкІэ ІуеҫІэр...*» [Гъушҫо 1999: 7]. – «Земля совершает оборот в такт твоему голосу / И вновь луну тебе в дозорные дает, / Не довольствуясь этим / Ночь созвездиями заполняет она...» (Перевод подстрочный. – И.К.). «Она» – в окружении световых персонажей, они служат «ей», оберегая «ее», в том числе от всяческой активности по отношению к ней лирического «я»: «*Уэ дуней псом укхьэхумэри / Си псэр тэлайкІэ мэтыныыр. / Дыгъэм и бзийр уи хьыринэци, / Сыцыбггъэдыхьэм, селыпцІыр. / Сытыр Іэмалу хэсхьыну? – / Гъусэ сыхуейт сыпхуэхьунуи, / Уи жэнэт хэку си псэр схьыну / Ядэркъым, жаІэурэ: “Хьунукъым...”*» [Гъушҫо 1999: 7]. «Ведь тебя оберегает вселенная / И моя душа ненадолго успокаивается. / Солнечные лучи твои качели, / Лишь приближаюсь – меня опаляют. / Каков же способ для меня? / Желая быть с тобой, / Добраться до твоей райской родины / Не позволяют (мне), приговаривая: «Нельзя...» (Перевод подстрочный. – И.К.). В итоге все световые персонажи противостоят ему: луна бьет его своим светом, земля уводит в сторону, солнце нападает своими лучами [Гъушҫо 1999: 8].

Каждое из выявленных соотношений убеждает в том, что при достаточно высокой значимости для Зарифа Гучаева образов тьмы и света, какие-либо находки в плане светотеневой образности для него не важны. Да и судить о находках было бы более обоснованно в ходе сопоставлений со светотеневой образностью в творчестве других авторов, в данном же случае этот вопрос не затрагивался. Речь о том, что выстраивание соотношений света и тьмы сопряжено у Зарифа Гучаева с

выстраиванием его собственной соотнесенности со светом и тьмой, или, другими словами, происходит в соотнесенности с ними его лирического «я». И здесь он отводит себе весьма скромную роль. Он свет, но свет, которому привычнее и комфортней быть в ночи. Свет, который не для всех, он живет в камерном пространстве. Свет не интенсивный, нарастающий, а убывающий – свеча, которой суждено угаснуть или «растаять».

О тьме он говорит нечасто и немного. В основном она играет фоновую роль. Мы указывали, что исключения, когда тьма предстает как нечто враждебное, немногочисленны. Но немаловажно, что тьма, на фоне которой существует лирическое «я», имеет тенденцию к ослаблению, смягчению. Помимо упомянутых исключений, нельзя сказать, что свет и тьма предстают у него в резком контрасте.

Если попытаться сформулировать высказывание, заложенное в светотеневой образности поэзии Зарифа Гучаева, оно окажется примерно таким: «Я» – носитель трепетного света, но не могу соревноваться со светом более высокого ранга (солнце, луна). Я принадлежу ночному миру, и он определяет мои границы.

Список источников

Гъущо 1999 – *Гъущо З.* Шэху уэздэгъэ. Усэхэр, поэмэ. Налшык: Эльбрус, 1999. 92 н. (*Гучаев З.* Свеча. Стихотворения и поэма. Нальчик: Эльбрус, 1999. 92 с.).

Дождикова 2021 – *Дождикова Н.А.* Свет и тьма в художественном мире М. Булгакова // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 33–37. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).28-32](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).28-32)

Захарова, Оляндэр 2015 – *Захарова В.Т., Оляндэр Л.К.* Цвет, свет и тьма в нарративной системе горьковского цикла «По Руси» // «Вестник Мининского университета. 2015. № 4. С. 5.

Кажарова 2008 – *Кажарова И.А.* Образы тьмы и света в повести Джамбулата Кошубаева «Был счастья день» // Научное обозрение. 2008. № 4. С. 72–76.

Кажарова 2023 – *Кажарова И.А.* Образные константы поэзии Зарифа Гучаева // Актуальные вопросы общей и адыгской филологии: материалы Международного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора З.И. Керашевой. Майкоп: АГУ, 2023. С. 195–199.

Кирло 2007 – *Кирло Х.* Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.

Фарино 2004 – *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. 608 с.

References

DOZHDIKOVA N.A. *Svet i t'ma v khudozhestvennom mire M. Bulgakova* [Light and darkness in the artistic world of M. Bulgakov]. IN: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 1 (34). P. 33–37. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).28-32](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).28-32) (In Russian)

Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem [Encyclopedia of signs, signs, emblems]. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 2006. – 608 p. (In Russian)

FARINO E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. St. Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2004. 639 p. (In Russian)

G"USHCHIO Z. *Shekhu uezdyg"e. Usekher, poeme* [Candle. Poems and a poem]. Nalshik: Elbrus, 1999. 92 p. (In Kabardino-Circassian)

KAZHAROVA I.A. *Obraznye konstanty poezii Zarifa Guchaeva* [Figurative constants of poetry by Zarif Guchaev]. IN: *Aktual'nye voprosy obshchei i adygskei filologii: materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchenogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora Z.I. Kerashevoi* [Topical issues of general and Adyghe philology: materials of the international

symposium dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Z.I. Kerasheva]. Maikop: AGU, 2023. P. 195–199. (In Russian)

KAZHAROVA I.A. *Obrazy t'my i sveta v povesti Dzhambulata Koshubaeva «Byl schast'ya den'»* [Images of darkness and light in the story of Dzhambulata Koshubaev «There was a happy day»]. IN: Nauchnoe obozrenie. 2008. № 4. P. 72–76. (In Russian)

KIRLO KH. *Slovar' simvolov. 1000 statei o vazhneishikh ponyat'yakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary symbols. 1000 articles on the concepts of religion, literature, architecture, history.]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2007. 525 p. (In Russian)

ZAKHAROVA V.T., OLYANDER L.K. *Tsvet, svet i t'ma v narrativnoi sisteme gor'kovskogo tsikla «Po Rusi»* [Color, light and darkness in the narrative system of the Gorky cycle “In Russia”]. IN: Vestnik Mininskogo universiteta. 2015. № 4. P. 5. (In Russian)

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

I.A. Kazharova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 09.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.